

Игнацио Силлоне
«Фонтамара» (отрывок)

Итак, Фонтамара во многом напоминает любую из южных деревень, расположенных между равниной и горным склоном, и потому оторванных от дорог и магистралей, а значит, чуть более отсталую, бедную и запущенную, чем остальные. И все-таки в Фонтамаре есть свои особенности. Так же и бедные крестьяне – люди, которые, возделывая землю, страдают от голода: феллахи, кули, пеоны, мужики, — похожи друг на друга во всех странах мира; на земле они сами себе нация, раса и церковь; тем не менее, не встречалось еще двух абсолютно одинаковых бедняков.

Если подниматься в Фонтамару с долины Фучино, деревня появляется на склоне серой, сухой и голой, как трибуна амфитеатра, горы. С равнины можно увидеть двери и окна большей части зданий – сотни домишек, в основном одноэтажных, неровных, разрушенных, потемневших от времени и покосившихся от ветров, дождей и пожаров, с прохудившимися крышами из черепицы и всевозможного лома.

У большинства этих лачуг есть только проем в стене, который служит и дверью, и окном, и дымоходом. Внутри, на голом полу и в голых стенах живут, спят, едят, размножаются – порой в одном помещении – мужчины, женщины, их дети, козы, куры, свиньи, ослы.

Исключение составляют лишь десяток домов мелких собственников да опустевший, почти развалившийся старинный особняк. В верхней части Фонтамары выделяется церковь с колокольной и небольшая площадь с террасой, куда через жилой квартал ведет крутая дорога – единственная, по которой могут проехать телеги. От нее расходятся узкие боковые переулки, чаще всего с короткими отвесными лестницами, почти сросшимися крышами домов, между которыми едва различимо небо.

Если смотреть на Фонтамару издалека, с долины Фучино, жилища напоминают стадо темных овец, а колокольня – пастуха. Деревня, по сути, такая же, как остальные; но для тех, кто в ней рождается и растет, – целая вселенная. Там происходит всеобщая история: рождение, смерть, любовь, ненависть, зависть, вражда, отчаяние.

Больше о Фонтамаре сказать было бы нечего, если бы не те странные события, которыми я собираюсь поделиться. Я жил в этих краях первые двадцать лет своей жизни и не знаю, что еще мог бы о ней поведать.

Двадцать лет обыкновенного неба, ограниченного амфитеатром гор, ограждавших долину сплошным барьером; двадцать лет обыкновенной земли, обыкновенных дождей, обыкновенного ветра, обыкновенного снега, обыкновенных выходных, обыкновенной пищи, обыкновенных лишений, обыкновенных страданий, обыкновенной бедности; бедности, доставшейся от отцов, в свою очередь унаследованной ими от дедов, против которой честный труд никогда ничего не решал. Самая жестокая несправедливость появилась здесь так давно, что казалась такой же естественной, как дождь, ветер или снег. Жизнь людей, животных и земли казалась заключенной в неподвижный замкнутый круг, зажатый временным циклом и тисками горного массива. Круг, естественный и неизменный, как вечное заточение.

Сначала приходило время посева, затем – удобрения, затем – урожая, затем – сбора винограда. А затем по новой. Посев, прополка, обрезка, обработка, сбор урожая, сбор винограда. Всегда одинаковая песня, одинаковый припев. Всегда. Годы проходили, годы скапливались, молодые старели, старые умирали, и сеяли, пололи, обрабатывали, собирали урожай и виноград. А что потом? Опять по новой. Каждый год такой же, как предыдущий, каждое время года, как предыдущее. Каждое поколение, как предыдущее. Никто в Фонтамаре никогда не думал, что этот архаический образ жизни мог бы измениться.

Социальная лестница в Фонтамаре состоит всего из двух ступеней: на нижней крестьяне, чуть выше – мелкие частные собственники. Так же с

ремесленниками: наверху – менее бедные, владельцы плохоньких мастерских с примитивным оборудованием; остальным приходится работать на улице. На протяжении поколений крестьяне, батраки, чернорабочие, бедные ремесленники смиряются с ударами, лишениями, неслыханными жертвами, чтобы подняться на одну ничтожную ступеньку социальной лестницы; но здесь подобное редко удается. Редким везением становится брак с дочерью мелкого собственника. Но если учесть, что кругом Фонтамары земли, на которых после посева квинтала зерна иной раз собирают не больше квинтала урожая, становится понятно, насколько часто от достигнутого тяжелым трудом положения мелкого собственника вновь падают до уровня крестьянина.

(Я прекрасно знаю, что слово «крестьянин» в моей стране, будь то деревня или город, в обыденной речи теперь означает оскорбление и насмешку: но я употребляю его в этой книге в уверенности, что когда в моей стране боль перестанет считаться чем-то постыдным, оно начнет вызывать уважение или даже гордость. У самых зажиточных крестьян Фонтамары есть осел, а иногда даже мул. По осени, едва только выплатив задолженности за прошлый год, им приходится просить займы то небольшое количество картофеля, белой фасоли, лука и кукурузной муки, которое нужно, чтобы зимой не умереть от голода. Большинство из них влачит свое существование тяжелой цепью мелких долгов, взятых, чтобы прокормиться, и изнурительных усилий, прикладываемых, чтобы их выплатить. В исключительных случаях, когда урожай выдается чрезвычайно богатым и приносит неожиданную прибыль, она обыкновенно становится поводом для ссор. Потому как надо иметь в виду, что в Фонтамаре не найдется и двух не состоящих в родстве семей. В горных деревнях все так или иначе оказываются родственниками; все семьи, даже самые бедные, заинтересованы в том, чтобы делиться друг с другом, а при отсутствии достатка приходится делиться бедностью; поэтому в Фонтамаре нет ни одной семьи, которая не имела бы никаких затянувшихся судебных тяжб. А тяжбы, как известно, угасают в худые годы, но вдруг обостряются, как только появляется хоть

сколько-нибудь денег на адвоката. И каждый раз это одни и те же тяжбы, бесконечные тяжбы, которые передаются из поколения в поколение в бесконечных процессах, в бесконечных тратах, в неутолимых затаенных обидах; и все для того, чтобы выяснить, кому принадлежит куст колючек. Куст сгорает, но ссоры продолжают с усиленной злобой. Вырваться из этого было невозможно. Если бы откладывать в те времена по двадцать, тридцать, а летом, может, по сто сольди в месяц, то к осени эти сбережения могли составить порядка тридцати лир. Но они улетучивались сразу: на проценты по каким-то векселям, или на адвоката, или на священника, или на аптекаря. А следующей весной начинали заново. Двадцать, тридцать, сто сольди в месяц. И опять по новой.